

оксана

Обухова

Женский детектив

РЕФЛЕКС УБИЙЦЫ

Убийца изучала жертву.
Так злые дети смотрят
на искалеченную муху
с оторванными крыльшками
и ждут – что будет?
Глаза – пустые. Жадные.
Не наполненные жизнью. Жуть!

18+

Детективное агентство «Нафталин»

Оксана Обухова
Рефлекс убийцы

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Обухова О.

Рефлекс убийцы / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат»,
2010 — (Детективное агентство «Нафталин»)

Для загородного отеля "Мельниково" наступила черная полоса. Погибла горничная, скончался постоянный клиент, совладелец крупного холдинга, его охранник пропал без вести. Не удались и поминки по безвременно усопшему бизнесмену: мало того что явился фокусник, так еще прямо в обеденном зале отравили гостя. Начальник охраны отеля Павел Павлович Архипов позвал на помощь старую знакомую, бабулю-сыщицу Надежду Губкину. Оказалось, за всеми смертями стоит таинственная "Лукреция", но кто она и зачем убивает, предстоит еще выяснить. Обложку изготовил И. А. Озеров.

Содержание

Часть первая	6
Часть вторая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

- Боюсь накаркать, но, по-моему, все стало только хуже.
- Ты собираешься что-то предпринять?
- Да. Хочу еще раз поговорить с Бякой.
- О чем? Боже мой, о чем можно разговаривать с сумасшедшей?! С неменяемой старухой!

Часть первая

Знакомые и незнакомцы

Надежда Прохоровна Губкина суматошно довязывала второй подарочный носок из козьего пуха. Часа полтора назад она тайком сравнила размер уже готовых носков с Алешиной тапкой, поскребла в затылке – сядут, после стирки обязательно сядут примерно на размер, – спровадила Алешу с Настасьей в магазин, якобы за свежим хлебом, и принялась перевязывать-довязывать пушистый рождественский подарок. Неделю назад похожие носочки она положила под новогоднюю елку для Насти, получила кучу комплиментов за старание. Попутно уловила завистливый взгляд Алексея и решила, что лучшего подарка на Рождество для старшего лейтенанта просто не придумать. Такие носочки в самый раз для нынешней зимы подойдут! Нынешняя зима – это вам не прошлогодняя слякоть, с плюс четыре за окном, а настоящая расейская стужа с сугробами по колено и выюжными ветрами. При таких морозах в китайском ширпотребе из тощей ангоры не слишком-то походишь, тут валенки и матерые носки из козьего пуха надобны!

Надежда Прохоровна торопливо считала ряды – успеть бы довязать подарок, пока молодежь из магазина не вернулась! Кот Марк Аврелий ужом вился вокруг стеклянной трехлитровой банки, куда хозяйка (подальше от кошачьих лап) положила клубки, но под руку вязальщице мудро не лез. Воспитан был. Скрученной в рулон газеткой.

На кухне, действуя не менее суматошно, гремела сковородками Софья Тихоновна – готовила для домочадцев рождественскую трапезу.

Надежда Прохоровна вывязала последнюю петельку, затянула узелок и полюбовалась работой. Славные носочки получились. С добавочной прочной ниточкой на мысках и пятке, чтоб, значит, не протерлись до дыр через неделю, с полосатой резинкой, с натуральным козьим запахом (легоньким, но ощутимым). Отменный подарок. Как в старые добрые времена – своими руками, все от души, все натуральное.

А то, понимаешь ли, взяли моду. Магазиновые носки для них лучше домашних! Все тепе-решней молодежи импортное подавай, все магазинное да с ярлыками...

Но вот сподобился Господь, наслал настоящую зиму, и вспомнил народ о бабушках-рукодельницах. (По разговорам во дворе такие же носочки все бабушки-соседки внукам торопливо вяжут...)

Надежда Прохоровна вытряхнула из банки тот самый клубочек «добавочной нити», смотала покрепче длинный кончик, упрятала его внутрь под пряжу и бросила на пол.

Марк Аврелий кинулся вдогонку, наподдал клубок лапой, перевернулся через голову и вместе с «мышью» укатился под сервант.

Идиллическая рождественская картинка: в кресле бабушка с вязаньем, рыжий кот клубок гоняет, на карнизах за окном целые сугробы наметены... С кухни несутся умопомрачительные запахи – Софа рождественского гуся из духовки достала, жирком поливает...

Надежда Прохоровна убрала в шкаф банку с остатней пряжей – еще на носки для Софиного мужа Вадима Арнольдовича хватит, если моточек пуха прикупить, и отправилась на кухню помогать подружке с приготовлением обеда.

Пока шла по коридору большой, по сути коммунальной, но дружной квартиры, услышала телефонный звонок.

– Наденька, ответь, у меня руки грязные! – раздался голос Софьи.

Надежда Прохоровна взяла трубку и в ответ на «алло» услышала из нее смутно узнаваемый мужской баритон.

– Добрый день, – вежливо поздоровался мужчина. – Я могу поговорить с Надеждой Прохоровной?

– Здравствуйте. Я слушаю, – готовясь принимать очередные поздравления с Рождеством, благодушно пробасила бабушка Губкина.

– Надежда Прохоровна, это Павел Павлович! – обрадовался собеседник. – Помните меня? Мы с вами в прошлом году познакомились в отеле «Сосновый бор»!¹

Сердце пенсионерки немного сжалось. Услышать Пал Палыча, слов нет, она была чрезвычайно рада, но вспоминать историю их знакомства, да еще в пресветлый рождественский праздник, – приятного мало.

Кровавая та история вышла. Не праздничная.

– Здравствуй, Паша, – ответила тем не менее сердечно. Выслушала поздравления с прошедшим Новым годом, пожелания всех благ... – И тебе того же, Пашенька. Ты где сейчас? Может, в гости заедешь? У нас гусь, наливочки...

– Да нет, – смутился собеседник, – спасибо, я не в Москве...

Еще когда Пал Палыч выступал с поздравительными песнопениями, Надежде Прохоровне показалось, что говорит тот несколько натужно, неловко. Мнется, да не знает, как начать.

– Паш, – спросила в лоб, – ты мне по делу звонишь аль как?

– По делу, Надежда Прохоровна, по делу, – сознаваясь, вздохнул начальник службы безопасности отеля «Сосновый бор». – Неприятности у меня...

– На работе?

– Угу. – Помолчал немного. – Я ведь уже в другом месте работаю, Надежда Прохоровна. Из «Соснового бора» уволиться пришлось...

Баба Надя сочувственно поцокала языком. Чего-то подобного можно было ожидать. В прошлом ноябре из «Соснового бора» четыре трупа за четыре дня вывезли. И хотя вины начальника в том не было никакой – он в то время отсутствовал, а потом даже убийцу бабе Наде помог определить, – претензии у владельцев отеля к нему могли остаться. Как-никак охрана жизни постояльцев – его забота.

Надежда Прохоровна выразила сочувствие более членораздельно:

– Не повело тебе, Паша... На новую работу устроился?

– Устроился, – как-то невесело сообщил охранный шеф. – Месяц назад, по тому же профилю в другой отель. Приятели помогли.

– И как?

Поскольку Пал Палыч все так же делал тягучие многозначительные паузы, каждое слово приходилось из него клещами да наводящими вопросами вытягивать.

– А никак, Надежда Прохоровна! – неизвестно почему развеселился Палыч. – Опять какая-то чепуха начинается!

– Какая чепуха? – насторожилась пенсионерка. Не подвело ее сердце. Ох не подвело! Не напрасно сжалось – неприятности у мужика.

– Позавчера погибла старшая горничная. Я думаю – не случайно. Не верю я официальной версии – несчастный случай! – выкрикнул вдруг. – Понимаете, не верю!

– Ты, Паш, не кричи, – прервала расшумевшегося Палыча пенсионерка, – ты толком скажи: что случилось?

Архипов шумно выпустил воздух:

– Простите. Я тут совсем... Голову сломал.

– А ты успокойся и говори толком. Что за горничная, как погибла, почему ты в несчастный случай не веришь?

¹ Пугающая история знакомства Павла Павловича и Надежды Прохоровны изложена в книге О. Обуховой «Паника, убийство и немного глупости».

– Горничную зовут Светлана. Позавчера вечером она на полчаса отпросилась с работы и не вернулась. Нашли ее уже под вечер. Официальная версия – поскользнулась, ударилась головой о ледяную глыбу, потеряла сознание и замерзла.

– Но ты не веришь?

– Нет. Вторая горничная, Галя, сказала, что Светлана уходила с кем-то на встречу... Говорила: «Скоро разбогатею, Галька, поеду на курорт, пусть египетские горничные за мной постели заправляют». С этой встречи Светлана не вернулась.

– А к кому она ходила?

Архипов вздохнул так тяжело, что Надежде Прохоровне показалось – прямо в ухо теплым воздухом дунул:

– Наверняка не знаю ничего. Одни догадки. Позавчера в наш отель приезжал один тип – замначальника охраны крупного столичного холдинга. Его начальство у нас малый корпус зарезервировало, Баранкин приезжал проверить, все ли для высочайшего съезда готово. Так вот, сопровождала его по номерам как раз Светлана. Она за малый корпус отвечает. Походили они, значит, походили... с ними еще наш администратор была – Александра... Потом, когда Баранкин с территории выехал, Светка тоже куда-то вдруг засобиралась...

– Подожди, – перебила баба Надя. – А Баранкин этот где? Почему он не скажет – с ним горничная встречалась или нет?

– Пропал Баранкин, – вздохнул Пал Палыч. – Из поселка, что неподалеку от нас выехал, в Москву въехал, но до дома не добрался. Я его путь по камерам наблюдения ГИБДД пробил, по старой памяти...

– Поня-а-атно, – печально, раздумчиво протянула бабушка Губкина, скорее для выражения сочувствия, чем по сути дела.

– А мне вот ничего не понятно! – раскипятился сызнова Архипов. – У меня в малом корпусе скоро гости соберутся, я за их безопасность отвечаю, а вокруг одни непонятки и труп вдобавок!

Нервозность охранного шефа Надежда Прохоровна понимала вполне. Паша, поди, целый год без работы маялся, пока друзья-приятели не помогли на новое место устроиться. Старается. А тут...

Н-да, обжегшись на молоке, на кефир дуть будешь. Известная картина.

– Я-то тебе чем, Паша, помочь могу? – тихонько удивилась баба Надя.

– Приезжайте ко мне, – просительно вымолвил Пал Палыч и затараторил: – Малый корпус под гостей из холдинга зарезервирован, но пара номеров незанятыми остались. Поживите там, приглядите, пока гости не разъедутся, они всего-то на три дня приезжают...

– Я?! – перебивая, воскликнула Надежда Прохоровна.

– Да, вы, – кратко подтвердил охранный шеф. – Пожалуйста, мне так спокойнее будет. У вас глаз верный, вы можете...

Что может крановщица на пенсии, бывший кагэбэшник Пал Палыч в точности сформулировать не смог – про верный глаз обмолвился и замолчал. Даже вздохнуть перестал. Замер и ждал ответа пенсионерки, успевшей достойно прославиться на сыщицком поприще.

Слов нет, такой аванс Надежде Прохоровне был приятен. Товарищ подполковник, гроза шпионов... или кого там еще из преступного элемента... А вон – поди ж. Сам обращается. Без бабы-Надиной помощи, мол, ему никак...

Надежда Прохоровна бросила горделивый взгляд на зеркальную дверцу шкафа в прихожей, напыжилась малость... Пришла заслуженная слава. Как есть пришла. Майор Дулин из местного РОВД – начальник убойного отдела! – неделю назад самолично с Новым годом поздравлял, грамоту, подписанную генералом, и букетик преподнес... Розы в ярком целлофане: пять штук плюс ветка пальмы.

Надежда Прохоровна приосанилась, вроде как собралась уже в поездку... но, унюхав, как дивно тянет из кухни прожаренным гусем, представив, как вокруг этого самого гуся за праздничным столом вот-вот соберутся все ее домочадцы, несмело пробормотала:

– Паш, а ты не того, не этого – не зря беспокоишься?

– Да какое там зря, Надежда Прохоровна! – воскликнул Архипов. – Малый корпус резервировал под свой день рождения один из совладельцев холдинга! А гости соберутся на его поминки! Представляете?! Человек рассчитывал отпраздновать шестидесятилетие, за месяц номера в отеле снял. А в новогоднюю ночь – скончался. Можете представить? Теперь вместо его дня рождения поминки справлять будут.

– Ух ты, – только и нашлась что сказать Надежда Прохоровна.

– А я о чем?! Нечисто тут, Надежда Прохоровна, нечисто! Печенкой чую – Светлана не сама погибла, и Баранкин не просто так пропал!

– А милиция что?

– А что милиция? – устало, перестав кипятиться, вымолвил Пал Палыч. – Света упала, ударилась головой и замерзла. После пропажи Баранкина еще трех суток не прошло, заявление не принимают – загулял мужик, на то он и праздник, чтоб мужики пропадали.

– И даже ты, Паша, ничего поделаться не можешь? С твоими-то друзьями-связями...

– Надежда Прохоровна, какие связи, когда везде – новогодние каникулы, – многозначительно и грустно проговорил Архипов. – Все мои связи только одиннадцатого на работу выйдут, а за это время у меня всех постояльцев в малом корпусе переубивают...

– Ну ты загнул.

– А я, Надежда Прохоровна, битый. Привык уже печенке доверять. Если в моем отеле опять какая-то гадость твориться начнет...

Надежда Прохоровна будто воочию увидела, как обреченно махнул рукой охранный шеф. Накрутил себя мужик. Ох накрутил.

Но правду молвил – битый. Такой нутром-печенкой что хочешь учует.

– Паш, а может быть, тебе с этими постояльцами связаться? Сказать, что, мол, творится черт-те что...

– Надежда Прохоровна! – перебил Архипов. – Какое связаться?! Какое «черт-те что»?! Да если я только намекну постояльцам, что не могу гарантировать их безопасность, меня через пять минут под зад коленом с работы вышибут! Представьте – начальник охраны уговорил клиентов отказаться от заселения. Месяца не проработал, а уже клиентуру распугивает.

– Но ведь ты же об их жизнях беспокоишься, – неловко промямлила Надежда Прохоровна.

– А если все это чепуха и плод моих фантазий? – язвительно, по своему адресу прошелся шеф. – Если я, как пуганая ворона, собственной тени боюсь?

Уныние в голосе готового к увольнению охранника растеребило добрейшую душу пенсионерки. Маялся мужик – куда ни кинь, повсюду клин.

И людям от постоя отказывать негоже – подозрения одни, и сил нет за них за всех переживать.

Хороший мужик Пал Палыч, подумала Надежда Прохоровна. Правильный. Такому и спину прикрыть не грех. На небесах зачтется.

– Когда ехать, Паша? – тихо, плюнув на щедрые гусиные запахи, спросила баба Надя.

– Завтра. Утром я приеду в Москву, попробую уговорить родственников Баранкина быть по-настоячивее, написать заявление в милицию. Закончу свои дела и заеду за вами, годится?

– Годится, Паша, годится. До завтра.

С кухни донеслось шипение перегретой сковородки с маслом, кот Марк Аврелий горделиво нес в зубах «пойманный» клубок – похвастаться перед хозяйками замусоленной ниточ-

ной добычей. Довольная не шибкой срочностью поездки, Надежда Прохоровна отправилась в сторону, откуда слышался перезвон посуды.

Машина у Архипова была шикарной не только по бабы-Надиным меркам: у профессорского племянника Ромки помельче будет. Большущий черный внедорожник с пугающим количеством фар и толстой блестящей железякой поверх переднего бампера застыл у двери в подъезд.

Такие страшилища Надежда Прохоровна только в американском кино видела, а уж покататься... Честно говоря, по первости – сробела. Вскарabalкалась на высокую подножку, бдително пристегнулась и сложила руки под грудь: напряглась, обвыкая, сидеть оказалось высоко, не хуже чем в трамвае.

Понятливый Паша машину вел предупредительно, не лихачил, не пугал бабушку могучими взрыкиваниями двигателя; Надежда Прохоровна поерзала на сиденье, подумала – хорошо доедем, даст Бог, и предложила:

– Рассказывай, Палыч.

– С чего начать? – плавно обводя на вираже маршрутку, спросил тот.

– Да с самого начала. С новой работы начни.

– Ага, – послушно кивнул Архипов. – Работа привычная. В чем-то легче, в чем-то тяжелее прежней. У «Мельниково» специфика другая, мы позиционируемся как бизнес-отель, постояльцев с детьми не приветствуем, в основном работаем с корпоративными клиентами и...

– Подожди, Паш, – заинтересованно перебила Надежда Прохоровна. – Как это вы постояльцев с детьми *не приветствуете*? Отказываете им, что ли? Не заселяете?

– Ну зачем же? – мягко улыбнулся Пал Палыч. – Отказывать не в наших правилах. Но постояльцы ведь обычно предварительно созваниваются, так? Администраторы вежливо объясняют по телефону, что отель не располагает игровыми комнатами и детскими площадками, что в штате нет аниматоров и бебиситтер... Особо недогадливым рекомендуют позвонить в соседний отель, специализирующийся как раз на семейном отдыхе... У нас, Надежда Прохоровна, назначение другое, мы — *тихое местечко для отдыха и работы взрослых людей*. Обстановка располагает к деловым переговорам, к бизнес-конференциям, ко всяческого рода корпоративным слетам... Понимаете?

– Нет, – упрямо наморщила лоб пенсионерка. – Это что же... вы и постояльца с одним дитём не заселите?!

– Заселим, – кивнул Архипов, улыбнулся. – И даже с тремя детьми. Бывает всякое – кто-то приезжает на корпоративное мероприятие, совмещая семейный загородный отдых с деловыми переговорами, есть женщины-бизнесмены... всякое случается... Но преимущественно клиент приезжает догадливый – бизнес-отель не место для шумных детских игр. От «Мельниково» до соседнего дома отдыха не более пяти минут езды – дорога хорошая, машину мы предоставляем, так что кое-кто каждый вечер просто уезжает к нашим соседям и своей семье...

– Странные у вас порядки, – пробормотала Надежда Прохоровна, но Палыч услышал:

– Не странные, а установленные. К нам приезжают гости, настроенные поработать в тишине: писатели, ученые, бизнесмены, уставшие от городской суеты... Не все же выезжают за город, – чтобы прилично оторваться, кому-то нужен покой, соответствующая обстановка, понимаете?

Надежда Прохоровна наконец-то согласно кивнула.

– А в крайнем случае в «Мельниково» есть, в некоторой степени, отдаленный корпус на шесть номеров. Туда в основном приезжают компанией без детей, на уик-энды... рыбку половить, шашлычков пожарить... В корпусе, мы зовем его «хижиной», есть кухня, посуда, мангал... Постояльцы из «хижины» сами вольны выбирать – будут они питаться в ресторане отеля или настроены на абсолютно автономное проживание...

– А сколько у вас всего корпусов?

– Вместе с «хижиной» три. Главный, туда возможно заселить целый съезд, и малый – на восемь номеров. В «Мельниково» очень мудро распланирован ресторанный зал – на несколько обеденных зон. Но постояльцы из малого корпуса, по желанию, могут заказывать корпоративный обед или ужин в гостинном зале своего корпуса. Все желания гостей выполняются, все для удобства их проживания. Кто-то хочет немного разбавить свое общество, кто-то, наоборот, настроен на уединенное общение... Понимаете?

– Угу, – высказалась Надежда Прохоровна. – Я, как догадываюсь, буду жить в малом корпусе?

– Да, – немного смущенно кивнул Архипов. – Именно туда сегодня приезжают владельцы инвестиционного холдинга.

– Как оказалось, на поминки, – немного ворчливо, но печально проговорила баба Надя, задумалась. – А что, Паш, у них для поминок поближе местечка не нашлось?

Архипов покрутил головой, проезжая транспортную развязку, добавил газу, выводя машину из Москвы на загородную автостраду, и ответил так:

– А для этого, Надежда Прохоровна, у них есть несколько причин. Во-первых, номера уже были заказаны покойным Махлаковым. Сергей Федорович был нашим постоянным клиентом, поскольку Мельниково его малая родина. Не отель, как вы понимаете, а ближайшая деревня, из-за которой отель, когда-то дом отдыха, получил свое название. Сергей Федорович, Царствие Небесное, несколько раз отмечал дни рождения в «Мельниково», ностальгировал, наверное, по местам босоногого детства... И, по словам Баранкина, похоронить себя завещал на деревенском кладбище рядом с могилами родителей. Понимаете?

– Чего ж тут не понять? – вздохнула баба Надя. Ее покойный муж Вася тоже пожелал на сельском кладбище упокоиться. Не в чистом поле возле суетливой Первопрестольной, а среди березок, в тишине, на взгорке, откуда вид на село Парамоново самый успокоительный и есть. – И много народу на поминки ожидается?

– Немного. Только те, кого Сергей Федорович ждал на свой день рождения. Это его родственники – вдова, сын и невестка – и совладельцы бизнеса, по совместительству друзья покойного. У меня тут, – Пал Палыч мотнул подбородком себе за спину, – на заднем сиденье синяя папочка лежит, Надежда Прохоровна. За эти дни я надергал кое-что из Интернета о владельцах холдинга, позже ознакомитесь. Журналисты любят о жизни богачей писать, так что информации хватает.

– А своими словами?

– А своими словами так: кроме семьи Махлакова приезжают еще некая Генриетта Константиновна Разольская с... то ли секретарем, то ли помощником Минкиным Всеволодом Антоновичем. Аделаида Евгеньевна Богрова с пасынком Михаилом Терентьевичем Богровым же. Кстати, если уж своими словами, мачеха старше пасынка всего лишь на год будет. Нынче Аделаида Евгеньевна уже вдова... И генеральный директор холдинга Богдан Игнатьевич Кожевников. Всего восемь человек.

– Не шибко много для поминок-то, – вздохнула баба Надя.

– Я думаю, из-за этой немногочисленности-приватности они и не стали отказываться от заказанных номеров, – невесело усмехнулся Архипов. – Прощание с покойным пройдет в траурном зале морга. Потом само захоронение на деревенском кладбище... Наверняка для односельчан Сергея Федоровича будет накрыт стол где-то еще...

– И все же странно, – помотала головой Надежда Прохоровна. – Поминки в ресторане, который для праздника еще покойник заказал... Пугает как-то.

– Возможно, – согласился Павел Павлович. – Но в связи со смертью одного из главных компаньонов у совладельцев, как я понимаю, много нерешенных вопросов появляется. А наше «Мельниково» для подобных частных разговоров как раз и существует. Приезжают люди,

решают свои проблемы... Зачем встречаться где-то в Москве, таскаясь по пробкам, опаздывая, нервничая, когда вон – все в одном месте, все рядом – разговаривай, решай свои проблемы на свежем воздухе при хорошей кухне.

– А Баранкин тогда зачем приезжал, раз все и так заказано?

– Вот! – оторвав руку от руля, многозначительно поднял вверх указательный палец Архипов. – Не ошибся я в вас, Надежда Прохоровна, так и знал, что вы сразу это несоответствие увидите. В корень глянете. Зачем приезжал заместитель начальника охраны холдинга в наш отель? Отказаться от праздничного торта и воздушных шариков можно было и по телефону. Проверять готовность номеров?

Не надо. Покойный Сергей Федорович доверял нашей фирме. Никогда никаких проколов не было. Остальные гости тоже не один раз в «Мельниково» останавливались. Пару раз кое-кто даже летом на отдых приезжал... – Павел Павлович задумчиво покрутил головой. – Не понимаю. Походил Баранкин Саша по номерам, везде нос сунул... камеры наблюдения проверил...

– Зачем?

– А он говорит, у одной из приезжающих странная фобия образовалась – на электронные приборы. Мол, стала Генриетта Константиновна нетривиально реагировать на мобильные телефоны и компьютеры. Баранкин попросил убрать из ее номера оргтехнику, которой, как вы понимаете, номера бизнес-отеля ВИП-класса должны быть оснащены вполне. Мы убрали. Но это вопрос вполне решался по телефону.

– А раньше этот Баранкин к вам приезжал?

– Никогда. И, судя по моим ощущениям-наблюдениям, со Светой раньше знаком не был. Вполне рабочий момент – старшая горничная и администратор сопровождали привередливого клиента по корпусу.

– А нос он везде совал – тоже по рабочему моменту?

– Нет, – усмехнулся Павел Павлович, – тут он перестарался. Большую прыть проявил Александр Баранкин. Не по протоколу.

– Интересно, – раздумчиво протянула баба Надя. – А может, он встречаться с кем-то приезжал? Вот Света – откуда родом? Не из Москвы ли?

– Из Москвы, – кивнул Архипов. – Работала у нас, так сказать, вахтовым методом – неделю через две. От столицы до «Мельниково» не больше часа езды на хорошей машине, но при устройстве на работу мы сразу объясняем: услуги горничных предоставляются нашим гостям круглосуточно, по требованию. У нас даже шеф-повара вахтовым методом работают, хотя гостям, опять-таки по их желанию, предоставляем транспорт до Москвы. Некоторые из приезжающих на бизнес-конференции предпочитают жить дома – удобно.

– Круто, – по молодежно-современному выразилась Надежда Прохоровна.

– А то. Многие так и делают – заказывают конференц-зал, несколько номеров, но большинство бизнесменов подъезжают каждое утро из столицы: если проводить мероприятия в столице, из-за пробок куда как дольше получается. А у нас трасса сильно не перегружена, больше часа на дорогу не требуется. Опять же – тишина, свежий воздух, хорошая кухня.

– Для поминок самое место, – пробурчала под нос бабушка Губкина.

– И это тоже. Вы думаете, у нас впервые подобные мероприятия проводятся, когда родственники по целой неделе наследство усопшего делят-делят, а поделить не могут? Говорю же – тихое место. Никаких папарацци, никаких посторонних, никто потом в газете фотографии дерущихся родственников не пропечатает. Охрана – будь здоров! – гордо закончил Архипов и тут же приуныл. – Дай бог, и на этот раз обойдется...

До самого отеля Архипов бабу Надю не довез. Остановил машину возле автобусной остановки с табличкой «Мельниково», повернулся к пассажирке всем корпусом и смущенно сказал:

– Знаете ли, какое дело, Надежда Прохоровна, я тут вам не все сказал... Еще когда Махлаков резервировал номера под свой день рождения, то просил оставить весь малый кор-

пус целиком для его гостей... Но вот какое дело... В этом же корпусе, в одном и том же номере всегда останавливается одна влиятельная особа... Она сделала заказ раньше Сергея Федоровича. Он попросил администратора договориться с этой дамой, попросить ее либо переехать в другой корпус, либо отменить визит... Но получил отказ. Не в правилах нашего заведения настаивать на изменении решений своих гостей, тем более *таких*... Так что близкие Сергея Федоровича, вероятно, знают о том, что в корпусе будет проживать еще одна постоялица... Но очень кстати эта женщина позавчера позвонила, сослалась на занятость и отказалась от брони. На ее место я решил заселить вас.

Сказал и исподлобья, хмуря лоб, смущенно посмотрел на бабу Надю.

– То есть ты хочешь сказать, этой самой «влиятельной особой» буду я? – опешила та.

– Ну... вроде того.

– Учудил ты, Паша.

Надежда Прохоровна гордо распрямила плечи, вздохнула и уставилась в ветровое стекло.

– Обманывать вам не придется! – быстро заговорил Архипов, хорошо понимая недовольство прямой, как жердь, пенсионерки. – Мы никогда не называем ни имен, ни должностей своих гостей. Махлаков просто знал – в номере по соседству будет жить еще одна женщина. *Он был предупрежден.*

– Понятно, – меняя выражение лица с крайне недовольного на просто хмурое, кивнула баба Надя. – Притворяться, Паша, я не люблю. Не обучена.

– Так и не надо! – обрадованный несильной переменой в настрое пожилой сыщицы, заговорил Архипов. – Я бы никогда вас об этом не попросил. Для персонала я представлю вас своей тетушкой, прочим – нет дела, кто вы, что вы... В кругах, к коим принадлежат владельцы холдинга и наследники, скорее всего, привыкли к соблюдению приватности, инкогнито. Никто не будет приставать с расспросами, если вы сами не пожелаете чего-то объяснять.

– А персоналу почему сказал, что я тетушка?

– Я не хочу, чтобы наши встречи или разговоры у кого-то из работников вызвали удивление, – прямодушно ответил Палыч и усмехнулся. – Вы ведь не откажетесь вечерком с «племянником» чаю выпить и поболтать?

– Не откажусь, Паша, не откажусь, – в ответ улыбнулась Надежда Прохоровна и мысленно укорила себя за непонятную, откуда взявшуюся привередливость: когда в прошлом ноябре они с Палычем познакомились в «Сосновом бору», там она сама представилась «тетушкой» Виталика Мусина, хотя не была тому Виталику даже хорошей знакомой.

Пал Палыч, судя по улыбке, об этом факте тоже помнил.

* * *

Номер Надежде Прохоровне достался прямо-таки царский. Из двух просторных комнат, оклеенных так называемыми «шляпинскими» обоями разных тонов, с золоченой мебелью на гнутых ножках, с зеркалами, бра, к тому же и с балконом. По ванной можно было танцевать. В коврах нога по щиколотку вязла. На низеньком столике ваза с фруктами, цветы – живые! – и шампанское в ведерке.

Сказать по совести, на несколько минут пенсионерка Губкина сконфузилась и онемела. Протерла подошву чистых сапожек о порог, прошла по комнатам, сходила на балкон и к ванной – годовалый слон утонет, только булькнет. Пощупала обивку кресел, провела пальцем по золоченым мебельным завиткам... Н-да, в такие-то покои с детишками не больно-то и посялят. Детишки тут и шелковые подушечки, и кисти на портьерах, и статуэточки фарфоровые к делу миглом оприходуют...

Архипов с улыбкой наблюдал за «тетушкой», на лице которой явственно прочитывался сакраментальный для подобных случаев вопрос: «И во сколько же, люди добрые, мне эта красота влетит?!»

Не лишним будет вспомнить: по меркам своего двора Надежда Прохоровна считалась бабушкой зажиточной. Лет пять назад получила в наследство от двоюродной сестры квартиру в центре Питера, при помощи совестливых риелторов продала ее успешно и копейки до пенсии не считала.

Но «президентские» номера в бизнес-отелях – это вам не на такси с рынка доехать, мешок картошки привезти... Не крендельки-кон-феты-тортик соседке-бюджетнице на чаепитие принести. Не филеем любимого котика угостить...

Тут шик ненужный. Красота в копеечку. Нечто классовое в душе вопит и протестует – буржуи, морды сытые!

Но, не кривя душой, – прелестно. А деньги, как сама не раз говаривала Софе, в гроб с собою не положишь.

Надежда Прохоровна расправила сведенные робостью плечи, гоголем прошлась вдоль зеркала, стеклянной горки с хрусталем, береточку поправила... Эх, Софу бы сюда! На эдакой постели места хватит и еще останется, чтоб пятками не стукаться!

Пал Палыч так и не дождался сакраментального вопроса.

Надежда Прохоровна представила, как бы в ее случае повела себя культурная Софа. Подошла к трюмо, скинула береточку, пожамкала губами, распределяя ровненько перламутровую помаду (не с рынка, с *бутика*, подарок Настеньки на женский день) и, взбив пятерней все еще пышные, хоть и седые волосы, кивнула удовлетворенно:

– Годится.

Архипов фыркнул.

Положил на низенький столик карточку магнитного ключа, взял телевизионный пульт:

– В этом номере, Надежда Прохоровна, телевизор находится за раздвижной панелью, – нажал на выпуклую серебристую пупочку...

Кусок нижней деревянной обшивки стены отъехал в сторону, за ним матово блеснул огромный плоский экран... и тем поразил пенсионерку не до каких-то там глубин, а просто-таки ранил насквозь и навывлет. Надежда Прохоровна перестала *хранить лицо* – мол, мы ко всяческому буржуйским заморочкам тоже привычные будем, – и откровенно ахнула:

– Ох, Паша... шикарно-то как... Прямо дворец...

– Иначе не умеем, – разулыбался охранный шеф. – Насчет оплаты, Надежда Прохоровна, не переживайте. Мне, как работнику, полагается скидка, вы – моя тетушка, мой гость. Да и, впрочем... Частично номер уже был оплачен прежней постоялицей по брони. Сейчас сезон новогодних каникул, иначе нельзя. Так что обошелся он мне в сущие копейки. Иных претендентов все равно уже попросту не будет...

Гордая бабушка Губкина собралась было покочевряжиться, потрясти далеко не пенсионерским кошельком. Но передумала. Решила – справедливо все: Паша ее пригласил, она по его вызову на помощь приехала, пусть будет, как «племянничек» решил...

Главный и малый корпуса отеля соединяла длинная прозрачная труба, отрекомендованная Архиповым как оранжерея. Различные экзотические растения, лианы и даже пальмы почти смыкались над головой проходящих людей, труба пахла мокрой зеленью, созревшим черноземом и кое-где цветами. Полукруглые арки тоннеля выходили на два зеркально подобных пятка в обоих корпусах, именно такое местечко со столиком и креслицами Надежда Прохоровна и выбрала для наблюдательного пункта. Положила на колени вязанье (Арнольдовичу тоже теплых носочков захотелось, остатней пряжи на носок хватит, остальное потом докупим) и, надев очки, начала ждать приезда скорбящих родственников и друзей Сергея Федоровича Махлакова.

Перед обедом она успела ознакомиться с листками из синей папочки, «надерганными» из Интернета, успела получить о скорбящих некоторое представление и теперь ждала, кто первым вынырнет из райских куш тоннеля, пройдет мимо нее до номера.

Первой на паркет малого корпуса ступила невысокая, прямо-таки крошечная пожилая дамочка в черной норковой шубке до колен. На дамочке был смоляной парик (а что еще может так лаково блестеть на голове, когда, навскидку, дамочке лет семьдесят с приличнейшим хвостом!), перевязанный черной траурной лентой, расшитые меховые сапожки. В руках – нечто абсолютно мелкое, короткошерстное, с острыми коричневыми ушами и блестящим пуговичным носиком, едва торчащими из складок бордовой норковой пелеринки.

Собака.

Дама несла ее под мышкой, бережно придерживая, и шептала что-то ласковое в трясущуюся от холода антенну уха.

Собака наверняка мечтала об одеяле с теплой грелкой, хозяйка наверняка обещала, что скоро так оно и будет.

Разговаривая с собакой, дамочка так увлеклась процессом, что сбилась с курса и буквально наскочила на сидящую в кресле бабушку Губкину.

– Ой! – сказала дамочка, тряхнув подвитыми наружу прядками парика.

– Тяф! – вторила ей замерзшая собака.

– Ничего, ничего, – успокоила обеих баба Надя и поправила сползший от встряски клубок.

Женщина недоуменно поглядела на Надежду Прохоровну – стоит заметить, на той был новый брючный костюм из поблескивающего мягонького трикотажа! – и бабе Наде показалось, что, невзирая на новый костюм и свежую стрижку, с гобеленовым креслицем на бронзово мерцающих гнутых ножках она монтируется не слишком.

– Простите, – вежливо пробормотала дамочка. – Как понимаю, вы наша соседка?

– Да, – весомо согласилась баба Надя. – Надежда Прохоровна.

– Очень приятно. Генриетта. Арно. – Представила, надо думать, себя и собаку. Внезапно развернулась и гаркнула в тоннель: – Сева, где ты там застрял?!

– Иду, иду, – раздалось из-под арки, и на паркет выпорхнул второй скорбящий постоялец. Вертлявый молодой человек в бархатном костюме-тройке темно-фиолетового, почти черного цвета, брючины которого были заправлены в невысокие меховые унты. Через левую его руку была перекинута длинная шуба из неопределенного бабой Надей шелковистого меха. Правой рукой он помахивал, демонстрируя Генриетте две связки магнитных ключей с брелоками и одновременно понукая неторопливого гостиничного боя, провозящего по оранжерее два чемодана на колесиках. – Багажа дожидался, – оправдался Сева, невнимательно мазнул глазами по бабе Наде и манерно пожаловался: – Ног не чувствую. Совсем ооченел.

– А нефиг было выпендриваться и снимать шубу в машине, – отрезала Генриетта, и бабушка Губкина подумала, что та ей, скорее всего, нравится: простая русская женщина без всяких фанатерий, несмотря на собаку в норке.

Сева обиженно надулся, вихляя бедрами, устремился вслед за боем к номерам. Генриетта кивнула бабе Наде:

– Приятно было познакомиться, – и потащила пса к вожденному одеялу.

Генриетта Константиновна Разольская и ее «то ли» секретарь Всеволод Антонович Минкин, подумала Надежда Прохоровна. А из тоннеля уже выходила бледная русоволосая женщина с прямым красненьким носиком, в пышной шубке с накинутым на плечи, скорее всего только что снятым с головы, черным платком.

Она не обратила на бабушку Надю никакого внимания. Прошла мимо к коридору с номерами, слепо глядя перед собой.

Вдова, без труда догадалась Надежда Прохоровна. Махлакова Римма Игоревна.

Следом за вдовой из оранжереи выскочила молодая девчонка в весьма короткой кожаной куртке с меховыми рукавами. Шикарная грива золотистых волос вольно болталась по ее плечам почти до пояса, не схваченная ни траурной лентой, ни прикрытая традиционным черным платком.

Девчонка легко перебирала стройными ножками, обтянутыми черными джинсами, притопывала высокими сапожками из меха точь-в-точь как на рукавах. Увидев Надежду Прохоровну, удивленно кивнула и прошла дальше, оглядываясь на моложавого высокорослого брюнета в черном костюме, задумчиво тянущего за собой огромный чемодан на колесиках.

Следующим вышел второй гостиничный бой, надо думать, с багажом вдовы Риммы Игоревны.

Далее показалась пара – необычайно красивая рыжеволосая женщина в серебристом манто и подтянутый осанистый господин в отличном костюме с унылым галстуком.

Женщину Надежда Прохоровна опознала как Аделаиду Евгеньевну Богрову – в синей папке хранилось несколько ее фотографий. Прежде чем окрутить богатого пожилого бизнесмена Терентия Николаевича, Ада успела прославиться на поприще модельного бизнеса – наряды демонстрировала. (На одном из снимков, впрочем, щеголяла почти без оных.) Сопровождал ее, не иначе, генеральный директор холдинга Богдан Игнатьевич Кожевников. А те персоны, что вышли прежде, получается – дочь Риммы Игоревны девочка-резвушка Аня и ее супруг, кстати, сын покойного Махлакова – Федор Сергеевич.

Надежда Прохоровна могла бы сразу это понять, но больно уж молодо выглядела девушка в куртке с меховыми рукавами. Никак не на двадцать пять, гораздо младше. В Интернете достаточно судачили о браке дочери от первого брака Риммы Игоревны и сына Сергея Федоровича, перемывали кости родителям и молодоженам.

Последним из тоннеля показался меланхоличный лысоватый господин лет тридцати пяти, с многократно обмотанной шарфом шеей, носом, напоминающим обвислый баклажан, покатыми плечами, обтянутыми модным зауженным костюмом с единственной пуговицей на глянцево-черном пиджаке.

Это мог быть только Михаил Терентьевич Богров, пасынок шикарной Аделаиды. Печально прошествовав мимо Надежды Прохоровны, Богров мотнул понурой головой – наврное, поздоровался.

– И вам не хворать, – пробормотала себе под нос бабушка Губкина, почесала за ухом спицей, но к вязанию так и не приступила. Повернулась к окну, посмотрела на белейшие нарядные сугробы на лужайках и подумала о том, как странно разобщены люди, приехавшие на поминки.

Никто не шел рука об руку с вдовой, никто не утешал – вероятно, не безутешного – сына покойного. Невестка даже платка на голову не набросила... Приятельница Генриетта с Арно под мышкой на поминки явилась...

Странная компания. Каждый сам по себе, ни одной слезинки на лицах...

Софа небось опять бы сказала про хорошее воспитание, про сдержанность манер...

А вот у мужа Васи на похоронах полдеревни голосило. Прощались, подвывали, уважение выказывали... Потом напильсь, правда, гармошку от зоотехника принесли. Но поначалу – все по-людски: поплакали, повспоминали, сестру Василия три раза с гроба снимали, прежде чем домовину в землю опустить...

Эх, было время... Как там у Пушкина?... «Не то что нынешнее племя»?..

Софа «как там у Пушкина» обязательно бы вспомнила. Библиотекарь все-таки со стажем. Такие даже на пенсии всю классику наперечет знают.

Мимо бабы Нади заскользили чопорные официанты с подносами в руках: торопились накрывать в гостиной малого корпуса столы для поминок. Отобедавшая в ресторанном зале Надежда Прохоровна бдительно прибрала ноги под кресло, но с места не сдвинулась. Наблюдательный пункт на пяточке у арки она выбрала не случайно: отсюда открывался превосход-

ный обзор не только на оранжерею, но и на сдвинутые в один ряд столики гостиной. Садиться там Надежда Прохоровна посчитала неделикатным, хотя вполне могла устроиться в уголке, поскольку проживала в этом же корпусе наравне со всеми.

Она вытянула шею вперед, присмотрелась: один из официантов раскладывал вокруг приборов черные салфетки в серебряных кольцах... Под каждой тарелкой уже лежала похожая квадратная салфеточка. На массивной тумбе возле накрытого стола фотография усопшего Махлакова с траурной лентой по нижнему уголку, перед ней свеча и традиционная рюмка с водкой, накрытая куском бородинского хлеба. Пышный букет черных тюльпанов печально свесил узкие головки из широченной хрустальной вазы.

Умеют поминать буржуи. Красиво. Тюльпаны вниз клонятся, как плакальщицы перед гробом...

Эх, надо бы в Парамоново съездить, Васину могилку попроведать... А то ведь лет десять не была...

И не по своей вине, можно сказать. В последний раз, когда приехала, сестра Василия Матрена все губы поджимала: мол, толку от тебя, от белоручки городской, – ни огород вспахать, ни сена накосить...

Смешно. В московских очередях Надю Губкину не раз «деревенщиной» облаивали. Приехала в деревню – городская. Платье синее в горохах, носочки-туфельки, сумочка в руках...

Эта лаковая сумочка особенно Матрене не по сердцу пришлась.

А куда еще приличная женщина кошелек с ключами положит, скажите на милость?! За пазуху в лифчик, да?! В холщовую котомку, откуда только вчера три кило магазинной картошки вытряхнули?!

Надежда Прохоровна неожиданно разгорячилась, подпаленная воспоминаниями, заерзала, на лбу испарина выступила.

Не к добру это, ох не к добру. Видать, вина перед Матреной есть. Надо Васину могилку попроведать... Гостинцев в деревню свезти...

А что не зовут, так это пустяки. На то она родня и есть, чтоб в гости без приглашения наезжать.

Матрена ведь с мужем Ваней всегда без телеграммы приезжали. Знали – пустят их Клава с Софой в комнату, за дверь не оставят, даже если московские родственники на работе оба.

А как гуляли вечерами в день приезда! Если погода хорошая, в парк аттракционов ходили, если неподходящая... такой концерт «по заявкам москвичей» на коммунальной кухне устраивали – любо-дорого! Матрена частушки пела, каблуками кренделя выделывала – весь двор сбегался в двадцатую квартиру на певунью посмотреть, забористые частушки послушать... Надежда Прохоровна даже щечками запольхала, припомнив кое-что из частушечного парамоновского творчества...

А потом, на ночь, «по-цыгански» раскладывали в комнате на полу старый комковатый матрас. Под голову гостей складывали скатанные в рулон тулупы, прятали их в чистые наволочки... Для тепла накрывались не только одеялом, но и пальто... И разговоры разговаривали до первых петухов. Про деревенские новости, про городское житье, про сенокосы и надои.

Эх, было дело. Ваня теперь рядом с Васей на пригорке под березками лежит...

Этим летом, если только ноги сами ходить будут, обязательно в Парамоново надо наведаться!

* * *

Пока Надежда Прохоровна предавалась воспоминаниям, в гостиную малого корпуса начал стекаться траурно наряженный народ. Пришла Генриетта Константиновна в длинных антрацитово-черных перчатках и странном молодежном платье с широким лаковым поясом,

блестящими крупными пуговицами. Утянутое на пухлом животе платье пышным, но коротковатым колоколом нависало над круглыми коленками, над крошечными лаковыми туфельками; на шее Арно сверкал прозрачными камушками траурный лакированный ошейник.

Надежда Прохоровна неодобрительно покрутила головой – с собакой, на поминки? Поймала четко направленный на нее взгляд Генриетты и сделала вид, что увлечена вязаньем.

Помимо Арно компанию Генриетте составлял чихающий Сева Минкин. Среди сугробов на кладбище он, видать, и вправду промерз до костей и теперь поминутно утирал покрасневший носик шикарным шелковым платком в тон галстука. Ничего другого, судя по всему, у Севы не нашлось. Или иссопливеть успел.

Почти сразу за ними пришла Анна в черном платье на бретельках и тех же длинных меховых сапогах.

Может быть, на ком-то другом сочетание нежного струящегося шелка и громоздких, прямо-таки как у полярников сапог казалось бы диким, но Ане шло. Непонятно почему, непонятно как, но очень шло. Может быть, все дело в том, что цвет гривы рыжеватых волос перекликался с цветом унтов?

Покуривающий Михаил Терентьевич прошелся вдоль накрытого стола, поправил, придал безупречной параллельности ножу, вилке и салфетке в серебряном кольце. Распрямил только ему видимую складку на скатерти...

Пижон, подумала Надежда Прохоровна. Унылый пижон в заузленном костюме. В такие штаны и короткие пиджачишки молодые мальчишки рядятся, сама по телевизору в смешной передаче видела, а этот – лысина во весь лоб, а туда же. Никакой солидности.

Зато Богдан Игнатьевич Кожевников вышел элегантным, как Джеймс Бонд. Длинные, по нынешней моде волосы уложены гладко, блестят. Из кармашка пиджака уголок белоснежного платка торчит. (Сева взглянул на тот платок тоскливо и утер нос замызганной бумажной салфеткой черного колера – видать, стащил со стола незаметненько и в дело употребить успел.)

Вдову сопровождал сын Сергея Федоровича. Бережно довел под ручку до стола, усадил во главе и сел по правую руку.

Последней, когда все прочие скорбящие уже расселись, явилась рыжая Аделаида. В простом черном платье, на шее нитка жемчуга. Запах терпких экзотических духов Аделаиды дотащился даже до Надежды Прохоровны.

Вступительную речь, что удивительно, держали не родственники, а генеральный директор Кожевников, придавший лицу проникновенное выражение.

О чем он говорил, Надежда Прохоровна не расслышала, но вдова всплакнула. Недолго. Сын покойного тихонько сжал ее напряженные пальцы, унизанные перстнями, вдова медленно, в несколько глотков, выпила водки из изящной хрустальной рюмки и чинно закусила осетриной.

Больше никаких слез за поминальным столом Надежда Прохоровна не увидела. Все пили, ели, говорили речи; за окном совсем стемнело, предупредительный официант включил над бабушкой-вязальщицей дополнительное освещение... Культурные поминки подходили к эпилогу, генеральный директор Богдан Игнатьевич снова встал. Протянул руку с зажатой рюмкой в сторону портрета Махлакова...

Мимо бабы Нади пробежала озабоченная администраторша Александра. Быстро подошла к вдове, шепнула что-то той на ухо...

Римма Игоревна поставила на стол наполненную рюмку и так недоуменно посмотрела на вытянувшуюся рядом Александру, словно администраторша объявила ей о приходе восставшего из гроба Сергея Федоровича. С венками и букетами из четного количества цветов. Александра пожала плечами: мол, а я тут при чем? Наклонилась снова...

– Господа!.. – напряженно и звонко прозвучал голос вдовы. – Мне только что сообщили...

О чем только что сообщили мадам Махлаковой, Надежда Прохоровна не расслышала. Точнее, расслышала кое-что, но не слишком поверила ушам.

Гости недолго о чем-то посоветовались, сообщили о своем решении Александре – та быстро пробежала мимо бабы Нади в обратную сторону – Кожевников так произнес скомканную появлением администраторши речь... Не чокаясь, приняли по последней и, шумно переговариваясь, встали из-за стола.

Надежда Прохоровна погибала от любопытства в своем кресле. Вытягивала шею, прислушивалась...

Из гостиной, прижимая к мягкой груди остроухую собаку, вышла Генриетта Константиновна. Мужчины (кроме зашпешившего к своему номеру Минкина) отправились в курительную комнату, за ними следом плавно заскользила Аделаида. Анна осталась задумчиво сидеть на диване в гостиной, где бригада официантов резво убирала приборы и расставляли столики в привычном разрозненном порядке. Генриетта Константиновна подошла к бабушке Губкиной, села в соседнее кресло и, доверительно склонившись над подлокотником, сказала:

– Представляете, Надежда Прохоровна, к нам *фокусник* приехал.

Непонятно, что больше удивило бабу Надю – факт приезда циркача на похороны или то, что Разольская так лихо, с одного раза, запомнила ее имя-отчество. Обычно богатенькие дамочки имена бабушек-вязальщиц забывают через пять секунд. Если, конечно, те неожиданно не подсовывают им визиток, извлеченных из мотков козьей пряжи.

– Фокусник? – переспросила она с интересом. – У вас же, как я догадалась, поминки?

– Да! – пораженная несовместимостью событий, развеселилась Разольская. – У нас – поминки. Но, – опять склонилась ближе к бабе Наде, – судьба распорядилась жестоко...

Несколько минут Генриетта Константиновна посвящала Надежду Прохоровну в известную той суть сегодняшнего мероприятия: должны были отметить день рождения, а получились похороны...

– ...И вот я думаю, Надежда Прохоровна, Сережа заказал приезд фокусника на день рождения, того никто не удосужился предупредить об отмене торжества, артист приехал... Казус, казус.

– И что вы будете делать? Назад его отошлете?

– Коллегиально было решено – оставить все как есть, – поднимая брови, сказала Разольская. – Может быть, – растопыренные пальчики в черных перчатках поднялись вверх, указывая на Небеса (притиснутый плотнее локтем Арно обиженно заворчал), – *там* так решили? Может быть, это последний привет от Сереженьки? – Сделала мину еще более постной и доверительно спросила: – Как вы думаете?

Надежда Прохоровна немного напоказ задумалась. Если вспомнить о гармонии на Василиных похоронах... Все в лучших российских традициях: «Хоронили тещу, порвали два баяна».

– Думаю, в обиде он не будет, – сказала честно.

– И мы так решили, – удовлетворенно кивнула Разольская. – Если уж случилось, таков перст судьбы. – Достала из-под мышки коричневую собачонку, подержала ее на вытянутых руках, чмокнула в нос.

Помимо лакового ошейника с камушками, на собаке оказалась какая-то смешная юбочка из плюша с блестками. Арно высунул из пасти острый розовый язычок и в ответ облизал напудренный хозяйский нос.

Генриетта истово прижала трепыхающуюся собачонку к груди, потом распределила ее лапки по животу и привычно прижала локтем.

Арно привычно обвис когтями вниз.

– Надежда Прохоровна, вы тоже обязательно приходите на представление, – неожиданно, потому что смотрела на суетящихся в гостиной официантов, сказала Генриетта. Повернулась

к бабе Наде, прищурилась. – Вы, как я догадываюсь, в отель за обществом приезжаете? А из-за нас сидите тут в одиночестве?.. Приходите. Будет кофе, чай, пирожные...

Надежда Прохоровна не успела поблагодарить, поскольку в кармане запиликал мобильный телефон. Она достала трубочку наружу, прищурилась... Соседка.

– Алло, Надежда, у вас домашний занят, звоню по сотовому спросить – у вас пяток яиц до завтра есть?

– Есть, Таня, иди, – кивнула баба Надя. – Спроси у Софы, я сейчас не в Москве...

– Ой! – икнула рачительная к роумингу соседка-пенсионерка. – Всего хорошего! – И, не дожидаясь ответного прощания, оборвала связь.

Надежда Прохоровна прибрала мобильник в карман, поглядела на Разольскую...

На слегка одутловатом лице Генриетты читался такой ужас, словно Надя Губкина только что на ее глазах гадюку в карман упрятала.

– Вы пользуетесь мобильным телефоном?! – прижимая к груди обе растопыренные ладошки в перчатках, придавливая привычного Арно, прошептала та. – Как можно?!

– Чего можно? – растерялась бабушка Губкина.

– Мобильный. Телефон. Это же – оружие! – Толстая шея Генриетты вытянулась, глаза вылезли из орбит.

«У одной из постоялиц странная фобия на электронику образовалась... нетривиально реагирует...» – припомнились переданные Пальчем слова пропавшего Баранкина.

Так, значит, вот как оно бывает, когда *нетривиально реагируют*. Глаза навывкат, шея из плеч... Того гляди, и пена на губах покажется...

Надежда Прохоровна собралась было пожалеть болезную, сказать что-то утешительное...

Но Генриетта Константиновна, все с тем же ужасом глядя на Надю Губкину, медленно, словно боясь повернуться спиной к «вооруженной особе», поднялась из кресла и бочком, бочком засемила в гостиную.

Собачка тявкнула. Надежда Прохоровна оторопело наблюдала, как блеснул в последний раз нарядный траурный ошейник и исчез за выступом стены.

Жалко убогонькую. Храни нас, Господи, от подобных немочей...

В гостиную Надежда Прохоровна отправилась, только когда мимо нее прошел высокий *маг* в лаковых штиблетах, широкой атласной накидке поверх концертного смокинга – так, кажется, Софа называла подобные пиджачки с блестящими лацканами – и с котелком в руках. На верхней губе фокусника клейко сидели миниатюрные закрученные усики, глаза блестели целенаправленными фонарями.

Следом за магом два шуплых боя тащили огромный, обклеенный картинками чемодан.

Циркач ворвался в гостиную. По сценарию ожидая аплодисментов, широко распахнул накидку, взмахнул цилиндром...

Никто артисту не похлопал, кислые улыбки соответствовали обстоятельствам больше.

Откуда-то полилась негромкая восточная мелодия...

И баба Надя почему-то представила, как из котелка циркача медленно поднимается раскрытый капюшон очкастой кобры.

Или очковой. И это должен быть факир.

Не важно.

В центре большого ковра, выступающего в качестве сцены, прислуга уже давно установила небольшой круглый столик, циркач небрежно шмякнул на него цилиндр. Надежда Прохоровна подумала, что надо обязательно посмотреть – появится ли из котелка кролик или парочка голубей, и остороженько вошла в гостиную.

Села сразу возле двери на небольшой диванчик рядом с овальным столиком (тут же появился официант, шепнул: «Чаю, кофе, пирожных?») и приготовилась с удовольствием поглядеть на ловкого факира. То есть фокусника.

Основная часть присутствовавших сидели к бабе Наде спиной. Преимущественно по трое: вдова с дочерью и зятем, Генриетта с Минкиным и Мишей Богровым. У столика возле самой стены вдвоем устроились Аделаида и Богдан.

Циркач начал творить обманные чудеса: из котелка, вполне ожидаемо, появился-таки восхитительный крошечный кролик с мягкой, как пух, шерсткой. Куда же без него? Прямо из белых перчаток фокусника выпархивали колоды карт и куриные яйца, подсвечник превращался в букет пионов.

В одном из номеров циркач задействовал Генриетту и Минкина. Из уха Богдана вытащил целую елочную гирлянду, из декольте Анны серебряную монету...

Народ постепенно раскрепостился и начал похлопывать. Севе пришлось уйти – замучил насморк и чих, следом за ним вышел унылый даже на цирковом представлении Михаил Терентьевич... Генриетта в их отсутствие угощала собаку кофе. Подставляла под наморщенный нос Арно крошечную чашечку.

Вернулся Богров. Аккуратно взял двумя пальчиками белую кофейную чашку, отхлебнул, поглядел на фокусника, поморщился... Складывалось впечатление – Михаил Терентьевич не относится к поклонникам циркового искусства.

Да и, по правде сказать, веселились в основном молоденькая Аня и пожилая Генриетта. Фокусник постоянно задействовал бабушку с собакой в каких-то репризах, та на удивление понятно и артистично выполняла его просьбы... Арно безропотно садился в «волшебный» ящик.

Михаил Терентьевич встал. Сделал несколько шагов по направлению к двери, пошатнулся, рванул воротничок рубашки – на пол полетели две верхние пуговицы, галстук съехал набок... Лицо Богрова налилось удушливой синюшностью. До двери он не дошел, тяжело, полубоком, рухнул рядом с бабой Надей и сипло задышал.

Неподалеку, за дверью, сцепив ладони на причинном месте, стоял в коридоре молоденький официант – уж он-то был поклонником циркового искусства абсолютно точно! – и, улыбаясь, наблюдал за манипуляциями фокусника с веревочкой.

Кроме бабы Нади, никто не видел, как свалился на диван Михаил Терентьевич. Как протянул к ней руку, захрипел...

– Эй, эй, ты что?! – всполошилась Надежда Прохоровна, подставила под падающую голову колени, склонилась, выпрямилась снова. – Эй! Кто-нибудь!! Помогите!

Улыбающиеся лица медленно развернулись к бабушке Наде и так же медленно перестали улыбаться.

Надежда Прохоровна приподняла одно колено, ей показалось, что Богров хочет кому-то что-то сказать, увидеть кого-то...

Синеющие губы едва слышно выдавили слова:

– Прости... прости... ш-кура...

Голова его безвольно скатилась с колена назад, глаза остановились, сверкнув белками.

В гостиной истошно закричала женщина.

Откуда-то из недр сценического костюма фокусника выпорхнул голубь, взвился под потолок, спикировал на люстру. Хрустальные висюльки люстры мелодично трепетали и вторили уже дуэту женских голосов.

Часть вторая

Место городской сумасшедшей уже занято!

Ночью бабе Наде приснился Вася. Веселый, в расхристанной рубашке, заломленном картузе.

Стоит, опираясь плечом на дверной косяк, одна нога вывернута вперед другой да молодецки эдак на мысок поставлена. Перекинутый через плечо пиджак одним пальцем за вешалку придерживает. В зубах ромашка белая.

«О-о-ох, – сказала Надя Губкина во сне, – Вася, ты ли?!»

Стоит, молчит, улыбается, ромашковый стебелек из одного уголка губ в другой гоняет. И запах. Почему-то не ромашковый, не терпкий мужской дух – еловым лапником от Васи тянет.

Таким, которым когда-то свежий могильный холмик укрывали. Щедро – вокруг и поверху.

«О-о-ой, – перепугалась баба Надя, – ты за мной, что ль, Вася?!»

Молчит, ладошкой как будто комара от щеки отгоняет.

«Вася!!» – прикрикнула вдова.

Улыбается покойник.

Надежда Прохоровна закрычала, кажется, во сне и очнулась. Открыла глаза, и будто свет на месте, где только что Вася стоял, мигнул. И будто где-то неподалеку дверь тихонечко захлопнулась.

В груди гулко забухало сердце, Надежда Прохоровна смотрела на дверной проем и не решалась даже присесть на кровати.

Жуть кромешная.

Прерывисто втянула воздух носом, раз, другой.

Не отступает морок. Из жуткого кошмара дотягивается запах еловых лап.

– Кто тут?! – сказала хрипло, резко села на кровати, подтянула к шее одеяло.

Тишина.

И только сердце оглушительно грохочет.

– Кто тут?!

Все так же – тишина.

Приснилось. Померещилось.

ТЬфу, чур меня!

Надежда Прохоровна спустила ноги с высоченной кровати, нашарила ступнями тапочки, рука машинально вытянулась вправо, схватила халат с подлокотника кресла.

Стискивая трясущимися пальцами ненадетый халат, баба Надя прокралась из спальни в гостиную. Включила свет, огляделась. Потянула ноздрями воздух...

Наверное, померещилось. Откуда в номере шикарного отеля еловому запаху взяться?!

Да и не пахнет вроде бы уже. Все померещилось. Кошмар навял этот запах.

Надежда Прохоровна посмотрела на золоченое табло напольных часов – половина третьего.

А легла в час ночи... Пока с переполошенными постояльцами и персоналом пообщалась, пока дождалась приезда милиции, вызванной по настоянию Пал Пальча. Показания дала.

Наверное, кошмар навяли сегодняшние мысли и происшествие – на бабы-Надиных коленях скончался человек.

После подобных злключениям не то что Вася – друг сердешный – в гости наведается, безногая с косой придет...

Надежда Прохоровна напилась воды из графина, проверила, крепко ли заперта дверь, и улеглась обратно: навзничь, комкая на груди одеяло, таращась в потолок.

Сон как рукой смело. Непривычная, не московская тишина давила на ушные перепонки невозможностью уцепиться хоть за что-то существенное, материальное. По шторам даже бессонные столичные тени не бродили.

Лежишь тут, как в гробу... Тишину слушаешь.

Надежда Прохоровна суматошно встала, раскрыла во всю ширь дверь спальни и улеглась обратно – доносящийся из гостиной мерный щелкающий ход часов немного разбивал, оживлял гнетущее спокойствие уснувшего отеля.

Мысли крутились вокруг недавней трагедии, перед глазами, словно живые, вновь расселись богатеи в траурных нарядах...

Отвлекая себя от недавней жути, Надежда Прохоровна припоминала прошедший вечер. Старалась уйти в уже привычный мир сыщицких предположений... Припомнить то, что зацепило ее взгляд... Что показалось странным, привлекло внимание...

Десять раз, наверное, себя спросила: что было на том вечере *не так*? Откуда ночью вдруг взялась тревога?

Когда ложилась спать – все было в норме. Единственная мысль – скорей уснуть, забыться, отключиться. (Вон даже Софе не позвонила, не поговорила. Умаялась так.)

Сейчас лежала, таращась в потолок, слушала песнь часового механизма и зачем-то перебирала каждую минуту вчерашнего вечера: что было не так? кто повел себя странно?..

Да все. Компания как на подбор – причудливая, с вывертом. Один Сева Минкин в бархатном костюмчике чего стоит... На нос сопливый жалуется, кукуется, а стоит смазливому официанту по залу пройтись – оживает, как и не больной вовсе...

Вдова – какая-то замороженная. Водку словно воду хлещет, а толком и не поплакала. Хотя платок к глазам подносила после каждого тоста... Манерничала.

Генриетта собаку кофе угощала.

Аделаида... Аделаида *сама* вставала из-за столика выбрать себе пирожное с подноса на длинной тумбе, что вдоль стены стоит.

А ведь такие дамочки щелчком пальцев официантов подзывают... Или кавалеров из директорского комсостава за сладостями отправляют...

Надежда Прохоровна тяжело ворочалась в постели, перед глазами сновали люди, официанты, собака в юбочке; на грани сна пришла какая-то ценная мысль...

А ну ее!

Бабушка поплотнее смежила веки, свернулась калачиком и наконец уснула.

Утро началось с тяжелой головы и гадкого привкуса во рту. За шторами стояло солнце, стрелки на часах застыли в укоризненной позиции – половина одиннадцатого! (Такого разгильдяйства давненько не случилось.)

Бабушка Губкина скоренько заказала по телефону завтрак в номер – чай, бутерброды, по возможности пряник свежий – и пошла в ванную комнату – наводить утренний марафет. Умыла лицо ледяной водой, влажной расческой пригладила растрепанные бессонницей волосы...

В стакане на мраморной полочке под зеркалом плавали вставные челюсти. Причем в какой-то мути.

Надежда Прохоровна удивилась, остороженько подцепила одну из челюстей, понюхала...

Нормально пахнет. Привычно. Каждый вечер, прежде чем опустить протезы в воду, Надежда Прохоровна надраивала их зубной щеткой, в стакан добавляла несколько капелек специального антисептика...

Откуда муть?

Стакан был грязный?

Да вроде нет... И антисептик свежий.

Загадка.

Баба Надя привередливо прополоснула протезы под струей воды, прошла по ним зубной щеткой – мало ли какая дрянь в щелочке застряла, воду замутила...

В дверь номера тихонько постучали. Надежда Прохоровна бросилась отпирать: галантный официант вкатил в номер сервировочный столик с завтраком.

Сервис, ёжкин хвост. Букингемский дворец, часы Биг-Бен.

Чувствуя себя вполне английской королевой, Надежда Прохоровна села за, прямо скажем, низковатый столик, постелила на колени салфеточку, официант наполнил чашку чаем, кивнул предупредительно – приятного аппетита. И замер.

Ах да! Пенсионерка Губкина достала из кармана домашнего костюма приготовленную денежную бумажку, та незаметно исчезла в руке деликатного прислужника.

Ну точно королева, ёжкин хвост! Горячие булочки, свежайшее масло, сыр, колбаска, крендельки... Отзавтракала Надежда Прохоровна с отменным аппетитом.

После вызвала официанта, приготовилась сказать сердечное спасибо, но вместо предупредительного паренька в комнату зашел хмурый охранный шеф. Поздоровался с «тетушкой», нетерпеливой рукой выкатил в коридор сервировочный столик, захлопнул дверь и тяжело сел в кресло.

– Случилось что-то, Паша? – замирая сердцем, спросила баба Надя. Архипов кивнул. – Так я и знала... – пробормотала, садясь на диван напротив. – Так я и знала... В руку был сон, и бессонница в руку... Что, Паша, отравили Богрова?

Сердце несколько раз успело бухнуть, прежде чем Пал Палыч ответил. Вначале он чуть-чуть удивленно посмотрел на «тетушку» – Надежда Прохоровна, вот честное слово, совсем не загордилась своей догадливостью! – и опять кивнул:

– Да. Вчера вечером я сразу же позвонил Семену Яковлевичу... Вы должны его помнить по убийствам в «Сосновом бору», Семен Яковлевич патологоанатом.

– Да, да, – быстро вставила Надежда Прохоровна, – эксперт от Бога.

– Гений, – согласился Паша. – Я попросил его приехать в наш районный морг, отправил за ним машину... – Архипов мрачно потер ладонью чисто выбритый подбородок. – Как чувствовал!.. Семен Яковлевич позвонил буквально десять минут назад, он произвел вскрытие – типичнейшее отравление. По его словам, самый слабый из экспертов, без всяких лабораторных исследований, только взглянув на внутренние органы, сказал бы то же самое – смерть не естественная. В качестве яда использовали обыкновенное лекарство для сердечников. По рецепту его можно купить в любой аптеке. И о его воздействии на сердце знает каждый более или менее толковый медэксперт: картина слишком ясная.

Архипов огорченно откинулся на спинку кресла, побарабанил пальцами по подлокотнику, надул щеки...

– А это могло быть самоубийство, Паша?

– Будем разбираться. – Наклонился вперед, посмотрел на бабу Надю хмуро. – Что Богров успел сказать перед смертью, Надежда Прохоровна?

Бабушка Губкина неловко пожала плечами, сделала рукой неопределенный круговой жест:

– Только то, что я уже вчера передала милиционеру – «прости, прости, шкура».

– И все? – прищурился шеф. – Вы же говорили, он что-то еще бормотал, но вы не разобрали. Может быть, сегодня припомните? На свежую голову...

– Нет, Паша. Только – «прости, прости, шкура», да и то невнятно. Как будто... – Надежда Прохоровна сосредоточилась, – как будто с украинским акцентом, что ли... мне показалось...

– С украинским? – приподнял брови шеф.

– Да. Он ведь уже умирал, последнее слово прозвучало тихо, как-то странно – «шкура», «ш-кира»... У нас на заводе парнишка работал из Донецка, так тот как-то похоже слово «шкура» говорил... «Шкира», что ли...

– Понятно, – расстроено пробормотал Архипов. – Шкура-шкира.

– Паш, а что теперь будет?

– Будем разбираться, – повторил тот.

– Я не о том, – поморщилась баба Надя. – Я о твоём начальстве. Влетит тебе за это?

– За что?

– Как будто ты не знаешь, – фыркнула бабушка Губкина. – Начальству лишь бы на кого беду свалить...

– Ну с этим относительный порядок, – устало отчитался охранный шеф. – Я, можно сказать, всем задницы прикрыл. Если бы мы отправили Богрова в московский морг, как настаивали родственники, то позже мог бы получиться скандал – в нашем отеле отравили гостя. А так – мы подстраховались, сразу провели расследование, я привлек к работе классного специалиста... Теперь будет трудно предъявить нам что-то по существу. Все свидетельские показания собраны не отходя от места, к делу подшиты.

– Слава богу, – искренне высказалась баба Надя. – А то тебе уже один раз влетело, увольняться пришлось...

– Нет, тут порядок. Номера Махлаков забронировал еще при прежнем начальнике охраны, к кухне или официантам никаких претензий предъявить не смогут...

– Яд подмешали в кофе? – быстро перебила пожилая сыщица и своей догадкой на этот раз сразила настоящего, хоть и в прошлом, работника правоохранительных органов наповал.

Архипов замолчал. Воткнул в бабу Надю пораженный взгляд:

– В этом еще даже Семен Яковлевич до конца не уверен... Но есть большая доля вероятности. Точные расчеты еще будут производиться, следуя из массы тела, концентрации в крови лекарства и алкоголя... Это лекарство категорически запрещено принимать с алкоголем, все сердечники об этом знают и... – Пал Палыч не договорил, не вытерпел: – Надежда Прохоровна, откуда?! Как вы догадались? Вы что-то заметили на той вечеринке! Да?

– Ну так ты сам сказал, – скромно потупилась бабушка Губкина. – Мол, к официантам претензий предъявить нельзя. А я видела, как официант всем разливал кофе из одного кофейника – то есть яда там не было, к кухне никаких вопросов быть не может. Это раз. Потом я видела, как несчастный Миша, выпив этого кофе, через несколько минут за горло схватился, будто его душили. Это два. – Надежда Прохоровна гордо выпрямилась, – эх, хорошо сказала-сформулировала! как настоящая сыщица из детектива! – поерзала на диванном сиденье, сложила руки под грудью. – Арифметика, Паша, – задачка для выпускника начальной школы. Вопрос в другом. Почему убийца использовал именно этот сердечный препарат? Из-за его доступности, по недомыслию или по наглости? Ведь в наше время достаточно в Интернет заглянуть – тебе там все про отравления расскажут, предупредят – отравление этим снадобьем на естественную смерть не спишешь – разглядит любой эксперт. Так?

– Да, – согласился Архипов. – Я тоже задавался этими же вопросами. Почему? Почему убийца действовал так нагло? Так бесшабашно. Не боясь последствий.

– Вот, – важно сказала Надежда Прохоровна, – именно выяснением этого вопроса мы сейчас с тобой и займемся. – Встала из кресла, огладила костюм на бедрах. – Пойдем, Паша.

– Куда? – оставаясь сидеть, пораженно сказал охранный шеф.

– Как куда? Убийцу ловить. Пока не уехал. Они ведь все сейчас по домам собираются, так?

– Не так, – помотал головой Архипов и остался сидеть. – Никто от номера не отказался.

– Почему? – в свою очередь удивилась баба Надя.

– А я откуда знаю?! – вконец растерялся Палыч. – Сидят по номерам, обед заказан в зале малого корпуса.

– Ну-ну, – строго сказала сыщица Губкина и грозно пообещала: – Сейчас мы им обед устроим. В малом корпусе и по большому.

– Да куда вы собрались-то, Надежда Прохоровна?! Толком сказать можете?!

– Могу. Пойдем ловить убийцу. То есть я пойду, а ты подстрахуешь. – Подумала о чем-то, нахмурилась. – Паш, у тебя какой-нибудь микрофончик есть? Чтоб как в прошлый раз – без сучка без задоринки, на стреме быть.

Архипов фыркнул и встал. Одернул пиджак, помотал головой, показывая отношение к сыщицким методам бабушки Нади, и осторожно поинтересовался:

– А вы уверены? Не слишком торопитесь?

– В самый раз, Паша. Генриетта вчера собаку кофе напоить пыталась, все чашечки на столе *перетрогала*. Зачем, спрашивается? Ведь не из-за собаки же в самом деле...

Пал Палыч потер двумя пальцами кончик носа, посмотрел себе под ноги:

– А вы уверены, Надежда Прохоровна, что Разольская манипулировала с чашками?

– Я не уверена, я видела, – весомо проговорила баба Надя. – Все прочие за фокусником следили, по сторонам не глазели, а я как раз почти за спиной Генриетты сидела – все видела. Осталось только выяснить, пользуется ли наша собачница сердечными пилюлями, имеет ли доступ к рецептам, понимаешь?

– Пожалуй, да... – пробормотал Архипов и первым вышел из номера.

Генриетта Константиновна Разольская открыла дверь не сразу. Вначале крикнула «Минуточку!», шуршала чем-то минуты полторы, потом приоткрыла дверь совсем чуть-чуть и в щелочку взглянула на визитершу.

– Надежда Прохоровна? – удивилась. Смоляной парик сидел на ней немного косо, из-под черных прядок выбивались седенькие волоски, помада на губах лежала тоже кое-как. Богачка была совершенно не готова к приему гостей и приглашать к себе не торопилась. – Чему обязана?

– Ох, – простионала баба Надя, – у вас нитроглицеринчику не найдется?

– В главном корпусе есть врач. Позвоните, вам принесут таблетку.

– Ох, ох, – запричитала сыщица Губкина и так показательно схватилась за сердце, что Разольской ничего не оставалось, только как посторониться и пропустить захворавшую соседку в номер.

– Сейчас, сейчас, Надежда Прохоровна. Проходите. Садитесь на диван, я мигом! – И скрылась в спальне.

Баба Надя, шаркая, ввалилась в гостиную, огляделась по сторонам: ничего себе номерочек, не хуже нашего будет. Завиточки, канди-боберы...

К гостье сразу же подбежал Арно, обнюхал ее ноги, баба Надя сказала псинке «у-тю-тю»...

Собака на дружбу не повелась. Приподняла верхнюю губу, показала мельенькие острые зубы и наморщила нос.

Ух ты! Надежда Прохоровна хорошо знала таких вот мелких злобных шавок. От горшка и вершка не будет, а норову – на хорошего ротвейлера. За пятку схватит, почтальону портки порвет, а от кошки сама на дерево вскарабкается.

Бдительно следя за собакой, баба Надя опустила в ближайшее кресло и от греха подальше прибрала под него ноги в тапочках. Врачи врачами, а пока из главного корпуса добежать успеют, кровью истечешь...

Арно подошел ближе и, гипнотизируя гостью взглядом коричневых выпуклых глазенок, сел напротив: не балуй, тетка!

Пухлотелая Генриетта Константиновна ходко выкатилась из спальни; на ходу копошась в косметичке-аптечке, достала упаковку нитроглицерина, выщелкнула одну красную горошину:

– Вот. Возьмите.

С видом почти уже умершей бабушки Надежда Прохоровна положила горошину под язык, расслабленно закрыла глаза.

– Сейчас отпустит, – пробормотала. – А у вас этих... – слабо покрутила рукой в воздухе, – никак название запомнить не могу... ах да... – произнесла название лекарства, которым отравили Богрова. Незаметно посмотрела на хозяйку номера сквозь неплотно прикрытые ресницы.

Никакой особенной реакции. Только искреннее беспокойство.

– Вы сердечница? – негромко поинтересовалась Разольская.

– Угу.

– Давайте я все же врача вызову...

– Да нет, не надо... мне бы таблеточку... пожалуйста...

– А вам это лекарство раньше прописывали?

И снова на лице и в голосе только беспокойство, без всякого подозрительного напряжения при упоминании таблеток.

Но впрочем, и о том, что у нее нет названного лекарства, не говорит. Не отнекивается.

Надежда Прохоровна широко открыла глаза, в упор, требовательно поглядела на чуть опешившую от неожиданной перемены в гостье Генриетту Константиновну и напрямик спросила:

– А Мишу Богрова ты спросить забыла: прописывали ли ему врачи это лекарство? Предписывали вместе с алкоголем принимать?

Удар пришелся по месту. Легкое замешательство сменило *понимание всего*. Надежда Прохоровна прожила долгую жизнь, научившую читать по лицам: Генриетта сразу *поняла*, на что ей намекнула «прихворнувшая» соседка.

Слишком быстро поняла.

Отпрянула. И привычное для нее, как успела заметить Надежда Прохоровна, слегка дурашливое выражение лица сменила мина то ли брезгливости, то ли нешуточного сожаления. Верхняя губа приподнялась и напряглась, совсем как у собаки.

Разольская слепо повернулась к окну, стянула с головы дурацкий молодежный парик, провела им под подбородком, по шее...

– Убили, значит, Мишу? – сказала тихо. – Отравили...

Надежда Прохоровна наблюдала, как медленно, неотвратимо наползает на женщину оторопь, как повисает рука со стиснутым в кулаке париком. Опустив плечи, Разольская застыла соляным столбом, на несколько минут забыла о гостье, наблюдающей за ней, не слыша встревоженное сопение собаки...

Куда девалась дамочка с сумасшедшинкой в глазах? Куда ушла пугливая жертва новомодной фобии? Перед Надеждой Прохоровной стояла вполне нормальная пожившая тетка: с седеньким хвостиком на затылке, с морщинистыми пальцами, не упрятыми ни в какие атласные перчатки. На руках, где и положено, – россыпь старческой гречки, под глазами, как и у всех в этом возрасте, – мешки.

Стянув парик, Генриетта как будто утратила весь прежний ненормальный, совсем не украшавший ее шик. Кричащую яркость.

Обычной стала. Более понятной.

И сумасшествия совсем лишилась. Что тоже радовало.

В комнату тихонько постучали, Разольская очнулась, поджимая подбородок, задумчиво оглядела Надежду Прохоровну...

– Вы имеете отношение к правоохранительным органам? – спросила, прищулив только что незрячие глаза.

Надежда Прохоровна не ответила. По прежним своим *расследованиям* знала – как важно тонкое психологическое равновесие «момента истины», как важно его не разрушить: нарушишь, поколеблешь одним неточным словом – пиши пропало. Колыхнется внутренняя чаша в другую сторону, спрячется готовый к откровению человек в раковину и вновь уж не покажется. Передумает. Или испугается.

– Вы работаете в службе безопасности этого отеля? – продолжала допытываться Разольская, не обращая внимания на повторный стук в дверь.

Баба Надя и тут ничего отрицать или подтверждать не стала. Сидела на диване в любимой позе – руки высоко под грудью сложены – и в упор смотрела на хозяйку апартаментов.

– А впрочем, ладно, – отмахнулась Генриетта, – какая разница? – И, гаркнув в сторону двери: – Войдите! – ушла в спальню: Надежда Прохоровна через незакрытую дверь видела – села на пуфик перед туалетным столиком, начала нарядный платок на седенькую голову тюрбаном налаживать. – Принесите, пожалуйста, еще один прибор! – приказала официанту оттуда.

Привезший сервировочный столик парнишка кивнул, открыл дверь – сразу за порогом, можно сказать, высоко подпрыгивая, метался шеф Пал Палыч, строя бабе Наде из коридора страшные глаза.

Надежда Прохоровна бросила косой взгляд на сидящую перед зеркалом Генриетту – их взаимные отражения встретились взглядами – и сделала Паше незаметный жест ладошкой – уйди, мол, не до тебя, у меня тут «момент истины» назревает.

Скорее всего, верно расшифровать краткую пантомиму ладошкой Архипов не сумел. Заподпрыгивал перед официантом еще выше, зашевелил губами, выманивая движениями обеих рук бабу Надю из номера.

Надежда Прохоровна проявила строптивость, скрутила из трех пальцев тугую дулю и показала ее беснующемуся Палычу.

Сей выразительный международный жест Архипов понял. Выругался в сердцах сквозь зубы, уставил кулаки по бокам на брючный ремень и, отвернувшись, помотал головой – что с вами сделаешь, Надежда Прохоровна!

Офигевающий от прыжков охранного шефа официант закрыл дверь. Бабушка Губкина склонила голову и прошептала в район воротника:

– Прием, Паша, прием. У меня все нормально.

К воротнику мягонького домашнего костюма бабы Нади Пал Палыч пришил микрофон. Каждое слово, произнесенное в комнате, Архипов слышал, беспокоиться ему было не о чем, так что чего он там в коридоре выделял – его проблемы. У нас тут тишь да гладь, у бабушек «момент истины» назревает, и малолеткам здесь не место.

Генриетта Константиновна вернулась в гостиную; как и две минуты назад, присобирая подбородок, оглядела бабу Надю...

– А я ведь сразу догадалась: не просто так уютная бабушка в коридоре с вязаньем устроилась... Вы ведь, Надежда Прохоровна, не столько носок вязали, сколько за нашей компанией приглядывали. Так?

Надежда Прохоровна не стала отрицать. Поворочалась немного, подлаживая руки под вздыхающую грудью, и продолжила терзать «допрашиваемую» «всевидящим оком».

– Понятно, – наклонила голову Разольская. – Так я и думала. – Вскинула на ровесницу глаза, усмехнулась. – Арестовывать меня пришли?

– Поговорить, – заговорила наконец-то «всевидящая» сыщица.

– Это обнадеживает, – кивнула Генриетта и села в кресло перед накрытым для завтрака столиком. – О чем будем говорить?

– О том, зачем ты вчера чашечки с кофе переставляла, – сразу переходя к привычному обращению на «ты», сказала баба Надя. – Я это видела. Пока все за циркачом смотрели, ты чашечки переставляла.

– Переставляла, – согласилась Разольская. – Но ничего в них не добавляла.

– А зачем крутила по столу?

Совершенно оправданный вопрос снова заставил Разольскую ядовито усмехнуться:

– Арно приказал.

Здрате-здорово. Опять причуды начались.

Надежда Прохоровна посмотрела на напряженно прислушивающуюся к их разговору собаку: Арно чутко прядал ушками, перебирал тонкими лапами. Умной собачонке не нравился хозяйский тон. Настораживали некие нотки.

– Считаете меня сумасшедшей? – догадливо поинтересовалась Генриетта. – Считаете, совсем старуха сбрендилла, раз выполняет собачьи приказания? – горько скривила лицо, наклонила голову набок. – А зря. Арно поумнее многих двуногих будет. Он меня охраняет.

Понимаете, Надежда Прохоровна, – ох-ра-ня-ет. Я не зря везде ношу с собой собачку, Арнольд мой маленький бодигард. Он обучен замечать чужие или непривычные запахи на моих вещах. И кажется, – Разольская невесело усмехнулась, – вчера он снова выполнил свою задачу – спас мне жизнь.

– Тебе спас жизнь? – неуверенно переспросила баба Надя.

– Да, мне, – очень серьезно подтвердила Генриетта Константиновна. – Когда мы с ним вернулись к столику от иллюзиониста, Арно наморщил нос на *мою* кофейную чашку. Я ее отставила. Понимаете – не переставила, не поменяла с Мишиной местами, а отставила. Миша уже выпил свой кофе, я просто взяла его пустую чашку, поставила перед собой, и все. Все, понимаете?

Надежда Прохоровна недоверчиво смотрела на собеседницу. И Разольская, не выдерживая этого взгляда, разгорячилась:

– Я не знала, что Миша не помнит – выпил ли он уже кофе, или его чашечка все еще полная стоит! Я — *не знала!!* Миша вернулся за столик, залпом выпил кофе, и все!

– А почему ты его не остановила?

– Откуда я могла быть уверена, что кофе отравлен?!

– Но пить же его сама не стала!

– Так... – Разольская растерянно запнулась, повторила: – Я же не знала... Не могла быть уверена. А Миша так быстро схватил чашку, выпил... – И снова почти криком зашлась: – Я элементарно не успела его предупредить! Я на представление отвлеклась! На иллюзиониста смотрела!

– Угу, – пробормотала баба Надя. Разольской она поверила сразу и тут же поняла – признания Генриетты запутывают все окончательно.

Просто с ног на голову переворачивают.

В какую из чашек была добавлена отравка – в ту, что Богров прежде выпил (ведь, как говорил Паша, лекарство это не действует мгновенно), или в ту, что не понравилась Арно? (Еще вопрос вопросов: можно ли доверять предчувствию или нюху крошечного бодигарда?)

Кого, теперь получается, хотели убить – Разольскую или Богрова?

Чей кофе был отравлен?

Может быть, выпив из чашки Генриетты, Миша за горло через минуту схватился, потому что время пришло?

Расторопный Палыч, конечно, приказал чашечки для экспертизы запаковать, но поди теперь разберись – на обоих чашках обнаружат отпечатки пальцев Богрова... Генриетта в перчатках была, испачкать краешек чашки помадой не успела... Паша приказал посуду не трогать, когда официант эти чашки уже на поднос составлял, так что расположение ничего подсказать не может...

Н-да, незадача.

И Генриетта вроде бы не врет. Надежда Прохоровна действительно видела только то, что Разольская предлагала собаке, как оказалось теперь, понюхать кофе. Как она чего-то в чашку добавляла, баба Надя и вправду не заметила...

Н-да, незадача.

Конфуз.

Надежда Прохоровна задумчиво кусала нижнюю губу... Вот к чему торопливость да самомнение приводят – к фиаско сыщика. «Пойдем, Паша, убийцу задерживать. Я все видела, все знаю...»

Тьфу, бестолочь самовлюбленная! Подставила Пашку! Тому теперь, поди, влетит от следователя по первое число. Побежали они, видите ли, с *бабушкой* «убийцу ловить», та все подозреваемой разболтала, процесс нарушила...

Всыпать бы этой бабушке!.. Чтоб впредь неповадно было в следствие нос совать.

– Чем отравили Мишу? – негромко прозвучал голос Генриетты Константиновны.

Надежда Прохоровна не стала попусту секретничать – все равно узнает скоро – и назвала лекарство.

– Так я и знала, – пробормотала Разольская. – Как все просто, как все хитро... – И замолчала.

– Что хитро? – переспросила баба Надя.

– Задумано убийство. Задумано и могло быть идеально исполнено.

– Идеально? – снова удивилась сыщица Губкина.

– Да. Совершенно безукоризненный, безупречный план. Если бы не Арно...

Плечи Разольской зябко передернулись, она обхватила их ладонями, стиснула крепко...

– Так ведь... – придерживая болтливый язык, не удержалась все же сыщица-пензионерка Губкина, – я как раз тут слышала – наоборот...

(И почему Паша не приходит, не хватает за этот болтливый язык?! Приехавший вчера на происшествие следователь шибко нудным буквоедом бабе Наде показался! Такой – только случай дай – три шкуры за любой проступок спустит!)

– Что вы слышали? – подняла брови Генриетта.

– Ну... убийство за случайное отравление ни за что не сойдет...

– Это смотря у кого, – усмехнулась Разольская. – В случае со мной – убийство выглядело бы безупречным несчастным случаем. – Дотянулась до тумбочки, взяла с нее аптечку-косметичку и вынула оттуда белую лекарственную баночку. – Я каждый день принимаю эти таблетки. Строго слежу за дозировкой. Если бы я выпила кофе, куда *уже*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.